

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Женин И.А.

**Изменение отношения к технологиям: социологическое
и историческое измерение**

Москва 2020

Аннотация. Работа посвящена комплексному анализу различных подходов к изучению возникновения и использования технологических изменений в исторической науке, исторической социологии и социологии техники.

На примере тоталитарных режимов первой половины XX столетия, получившими распространение в странах Западной Европы, в частности, в Германии, показаны спорные и во многом все еще дискуссионные сюжеты соотношения консервативной (националистической) идеологии, строящей свое мировоззрение вокруг константных ценностей прошлого и вызовов эпохи модерна, в частности, индустриальные и технологические изменения, которые все глубже проникали в политическое, экономическое, социальное и культурное пространство.

Женин И.А., старший научный сотрудник лаборатории комплексных исторических исследований ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Постановка проблемы.....	4
Введение в проблематику.....	5
Историческое измерение «технологического утопизма» (анализ кейсов)...	15
Исторические модели изучения социальных факторов технологических изменений.....	18
Социологические модели диахронного изучения технологических изменений.....	23

Постановка проблемы

Исследования по социологии техники и модели оценки инновационной динамики страдают от недостатка диахронного измерения. Использование и распространение технологических объектов анализируется аисторично – так, как если бы фреймы техники появлялись одновременно с самой техникой. Историко-социологические подходы позволят объяснить, почему новые технологические объекты получают или не получают распространение в зависимости от жесткости (или, напротив, подвижности) исторически сложившихся систем фреймов, политических режимов и идеологических установок.

Введение в проблематику

Каким образом мы бы ни локализовали прогрессивистский дискурс – через его связь с дискурсом европейского Просвещения, с викторианским эволюционизмом в антропологии или с современными теориями экономики развития – технологии каждый раз занимают в нем ключевое место. Технологии не только служат инструментом демаркации нововременных / ненововременных обществ (поскольку основанием технологий является позитивное научное знание, недоступное ненововременным обществам, ведь оно, в свою очередь, предполагает четкое различие между природами и культурами), но также являются самым эффективным перформативным аргументом в пользу реальности исторического прогресса. Благодаря телеологической логике, заключенной в концепте «технологий», то есть благодаря той легкости, с которой мы можем приравнять понятие «технологий» к понятию «средства» или «механизма», прогресс становится возможным как процесс относительного роста эффективности. Настолько же очевидно, что любая радикальная критика прогрессивистского дискурса нуждается в новой концептуализации технологий, которая избегала бы всякой внутренней и внешней телеологии.

Изучение тоталитарных обществ, тех особенностей функционирования различных институциональных структур в период диктатуры в таких странах как фашистская Италия, национал-социалистическая Германия, франкистская Испания и салазаровская Португалия оказывается в фокусе исследовательского внимания почти сразу же как только политические режимы в этих странах заявляют о себе. Одной из классических работ в этом смысле является объемный труд Франца Леопольда Нойманна «Бегемот. Структура и практика национал-социализма (1933-1944)», увидевшая свет в 1944 г. В своей монографии Нойманн «вскрывает» механизмы власти национал-социалистов и прослеживает практику внедрения идеологических императивов в различные структуры общества. Анализ этой проблематики станет одной из магистральных линий всех гуманитарных и социальных дисциплин.

В настоящий момент одним из наиболее востребованных сюжетов в рамках изучения тоталитарных режимов является вопрос о соотношении идеологических установок и модернизационных процессов, которые происходили в большинстве западных стран. С одной стороны пропагандировалось строительство «нового, идеального мира», в основе которого лежало романтизированное и мифологизированное представление о прошлом, с другой – отрицались капиталистические основания «современной (модерной) эпохи, которые представлялись чуждыми и противоречащими «культурно-историческим» ценностям народа и государства.

Таким образом, рассмотрение основных концептуальных блоков тоталитарных идеологий европейских националистических консервативно ориентированных сил, прежде всего национал-социалистов, которые несут ответственность за многочисленных жертвы как внутри Германии в период становления диктатуры, так и в других странах Европы в рамках Второй мировой войны, является важной исторической задачей. Кроме того, в настоящее время во многих западноевропейских странах происходит разочарование и своего рода критика политики мультикультурализма, как неоправдавшей себя, виновной в значительных социальных изменениях, в частности - проблемы интеграции и потери национальной самоидентичности. Достаточно вспомнить в этой связи высказывания канцлера ФРГ Ангелы Меркель, бывшего президента Франции Николя Саркози и др. Кроме того, свидетельством кризисных проявлений может считаться появление в большинстве европейских стран партий, носящих правый и популистский характер, выступающих, в частности, за пересмотр европейской политики в сторону ужесточения общеевропейских законодательных актов в отношении мигрантов. Более того, подобного рода политические организации уже не являются достоянием площадной, уличной политики, а становятся частью региональных, национальных и общеевропейских органов законодательной власти. Достаточно вспомнить такие партии как Альтернатива для Германии (Alternative für Deutschland - AfD), Национальное объединение (Rassemblement national – RN) во Франции, основу которому составил Национальный фронт (Front National), существовавший до 1 июня 2018 г., нидерландская Партия Свободы (Partij voor Vrijheid – PVV), Партия шведские демократы (Sverigedemokraterna) и др.

Все это делает исследование в области политических и социально-экономических преобразований праворадикальных партий и организаций актуальной исторической и общественно-политической задачей. В данном случае представляется оправданным дать краткий обзор становления и реализации тоталитарных (авторитарных) «фашиствующих» режимов в европейских странах в 1920 – 1930-е гг.

Одной из основных задач Италии в начале XX столетия стало стремление догнать развитые промышленные страны и оказаться в одном ряду с ведущими государствами мира. Однако, экономика страны, не позволяла это сделать, развиваясь скачкообразным способом, где периоды бурного роста чередовались с глубокими кризисами.

Подобная политическая, экономическая и социальная ситуация наложила серьезный отпечаток и на мировоззрение итальянцев. Среди населения получила особую популярность культ технического развития, именно в нем видели залог процветания и

успеха народа. Неспособность правительства к радикальным мерам рождало в интеллигентской прослойке идеи о борьбе и революции. Не последнюю роль в реваншистских настроениях сыграли и колониальная ситуация. На фоне завоевательной лихорадки и преуспевших в этом Англии, Испании, в начале XX века Италия располагала только двумя колониями – Эритреей и Сомали, однако она имела планы на расширение своих территорий за счет других государств. Негодование за неудачи в XIX веке стимулировало пренебрежительное отрицание всей предыдущей истории государства и нацеленность на достижения в будущем.

Официальным идеологом фашистского государства считается итальянский неогегельянский философ Дж. Джентиле, который и сам называл себя «идеологом фашизма». При режиме Муссолини он занимал посты в правительстве, был сенатором, членом Большого фашистского совета и председателем комиссии по реформе конституции. В 1924 г. он возглавил Национальный фашистский институт культуры. В частности, с его «тотальной концепцией жизни», которая подразумевает отсутствие границ между государством и внутренним миром человека, связано появление термина «тоталитаризм». Среди основных элементов фашистской идеологии значатся государство и нация. Муссолини предлагает слияние этих элементов, сличение индивидуума и государства. При этом религией фашиста становится государство, подчиняющее себе мысли и мотивы индивидуума.

Установление фашистского режима в Португалии является следствием военного переворота, произошедшего в стране 28 апреля 1926 г. во главе с генералом Гомесом да Коштой, когда к власти пришла военная хунта. Практически сразу новая власть ставит основную задачу: улучшить экономическое положение страны. Для этого пост министра финансов был предоставлен профессору Коимбрского университета Антониу ди Оливейра Салазару. Салазар не сразу находит общий язык с военным правительством, но, по прошествии некоторого времени, становится понятно, что он необходим государству для стабилизации экономического положения страны. Расцениваемый как спаситель страны от экономического краха, он не только занимает пост министра финансов, но и практически получает неограниченные полномочия. Постепенно он убеждает президента О. Кармону в необходимости создания авторитарного режима, при этом формально сохраняя республиканский строй государства. Практически сразу вся власть оказывается в руках Салазара, из финансового диктатора он превращается в диктатора вообще, а в 1932 году он занимает пост премьер-министра и этим закрепляет свое положение. Правление Салазара – самый долгий пример фашистского государства. Придя к власти в 1928 г, он оставался

бессменным диктатором до 1968 г. Именно Салазар дал характеристику португальского режима – новое государство (*Estado Novo*) – унитарное корпоративное государство. Ключевым моментом новой идеологии государства становится понятие нации. Вся португальская молодежь воспитывается в идеологии режима - создаются такие институты, как «Португальская молодежь», а также организации для девушек, подростков.

Эпоха диктатуры Франсиско Франко (1939-1975) – один из важнейших, безусловно, для испанской истории периодов. Система, заложенная Каудильо после гражданской войны, послужила одной из основ современной государственности пиренейского королевства (к слову, именно в этот период была восстановлена монархия). Но было бы ошибкой считать режим Франко одинаковым на протяжении всей его истории: естественно, система менялась, стараясь отвечать как внутренним, так и внешним вызовам. И здесь можно выделить несколько этапов становления и развития:

Первый этап (1938-1953 гг) - становление фалангистской системы, когда она только победила республиканцев в открытом военном противостоянии. Здесь можно отметить наибольшее количество сходств с классическим фашизмом, нежели с традиционной консервативной диктатурой. В экономике, что более важно для данной работы, устанавливается не просто протекционизм, но автаркия (*hispanización*). Однако, пока что страна оказывается настолько разрушенной Гражданской войной, что говорить о каких-либо серьезных мерах до 1942 года, когда будут приняты основные законы (Фуэро труда в 1938 г., Закон о политической ответственности 1939 г., Учредительный закон о кортесах 1942, по которому кортесы из классического парламента превращаются в орган, по полномочиям напоминающий Большой Фашистский совет, Фуэро испанцев 1945 г., и, что более важно, Закон о преемственности статуса Главы государства 1946 г., по которому Испания снова стала официально монархией), еще рано. По сути, прежде всего из-за экономических проблем Испания (как и Португалия А. Салазара) не вступила во Вторую Мировую войну, сохранив нейтралитет. Однако, страна остается, так или иначе, в международной изоляции, многие страны объявляют бойкот, что потом прощается за антикоммунистическую направленность Испании. Крайними датами выбраны назначение Ф. Франко главой правительства (*Jefe del estado*) в 1938 году и первые переговоры с Соединенными Штатами в 1953 году, что обуславливает определенные перемены в режиме в пятидесятые годы, особенно после т.н. «потерянного десятилетия» сороковых годов, когда в стране царил голод. Что симптоматично, в 1945 году у страны меняется официальный герб (присутствующий на флаге).

Второй этап (1953-1959 гг.). В этот период был подписан конкордат с Ватиканом, что дало еще большую легитимацию режима католической Церковью и лично Папой. В силу тяжелого экономического положения, а также давлению других стран Франко вынужден был прекратить автаркию. Однако экономика была все еще административно-командной и организовывалась исходя из пятилетних планов. Также по закону от 25 сентября 1941 года организован специальный Национальный Институт Промышленности (INI), под эгидой которого создавались государственные предприятия. Стоит отметить огромную долю государственного сектора в экономике.

Третий этап (1959-1975 гг.). Период активной либерализации режима как в экономической сфере, так и в социально-политической. К примеру, в эту эпоху активно возвращаются на родину многие политические противники Франко, например, бывший лидер CEDA Хиль Роблес. 1959 год важен тем, что именно тогда в правительство вступают члены католической организации *Opus Dei*, и именно они сыграли одну из решающих ролей в трансформации режима Ф. Франко в шестидесятые годы. Доказательство этого тезиса и является предметом данной работы. 1975 как год окончания франкистского режима выбран скорее условно (год смерти Каудильо), поскольку реально еще два года длился переход (тот, что в испанской историографии получил терминологическое обозначение «*Transición*») к современному режиму либеральной, парламентской монархии.

Вне всякого сомнения, особое место в размышлениях о тоталитарных режимах XX столетия занимает Германия, в которой произошло становление, и реализация одной из самых чужденоневистнических идеологий каким являлся национал-социализм. Так, до сих пор одним из главных вопросов, обращающих на себя внимание, остается выявление причин политического, экономического, социального и культурного успеха НСДАП. Как была возможно диктатура в одной из самых образованных стран мира? Почему было так легко демонтировать многопартийную политическую систему, вместо которой пришёл однопартийный режим с претензиями на проникновение в большую часть сфер жизни общества, по выражению Р. Лея «оставляя личным делом только сон». При этом, залог успеха национал-социалистов на первом этапе был обусловлен не только политическим давлением и террором, но и экономическими и внешнеполитическими достижениями в создании «народного сообщества» (*Volksgemeinschaft*), отдельные элементы которого стали реальностью.

Таким образом, представляется необходимо более подробно остановиться на опыте Германии, что предполагает выявление и анализ особенностей политического, социально-

экономического развития страны в период Веймарской республики, а также рассмотрение основных направлений экономических преобразований, осуществленных в рамках национал-социалистической диктатуры в период 1933-1939 гг.

Устранение трёх ключевых элементов Веймарской системы (социально-политической разобщенности, экономических проблем, а также отсутствия общей национальной идеи и подлинного единства общества и государства) и станет главной задачей НСДАП в своих программных обещаниях и формировании концепции Народного сообщества и воплощения её в жизнь.

Реализация этих принципов предполагала полный демонтаж парламентской демократии в Германии, что автоматически означало полную монополизацию власти, что в свою очередь, по мысли национал-социалистических идеологов, должно было способствовать полной консолидации и слиянию как отдельных личностей, так и всего общества с государством, где государство будет лишь выражением воли всего общества в лице его лидера/вождя.

Вторым фактором в построении народного сообщества в понимании национал-социалистов являлось единение общества по его социальному и политическому признакам. Признавая существование совершенно различных классов и групп, а также вполне естественных различий в их образе и уровне жизни, упор делался на то, что общество должно быть абсолютно единым и монолитным перед лицом всех угроз, как внешних, так и внутренних. И именно этот момент входил в полное противоречие с диалектикой марксистов в лице КПП, которые считали, что исключительно классовая борьба является движущим фактором в истории и развитии общества, в то время как НСДАП наоборот делала упор на то, что эти действия их политических оппонентов разрывают общество на части и ведут Германию в пропасть. Исходя из этого, делался вывод о третьей составляющей концепции народного сообщества, а именно выстраивание взаимоотношений и преодоление существующей разобщенности, в основе которой лежит классовое неприятие. Это и был краеугольный камень самого понятия народное сообщество в устах национал-социалистов, где отсутствие классовой борьбы является доказательством единства всего народа, всех его слоев и групп в общем устремлении к великому будущему Германии.

Отметим, что идеологические основы концепции построения как народного сообщества, так и национал-социалистического государства на протяжении всех 1920-х годов находились в постоянном движении. Это объяснялось, с одной стороны, внутренней партийной нестабильностью, с другой - общеполитической ситуацией в Веймарской

республике. Постоянно меняющиеся внешние условия налагали определенный отпечаток и на риторику партии во многих вопросах. К тому же сами современники и сторонники движения зачастую отмечали, что программа партии, несмотря на признание её положений незыблемыми, на самом деле была ничем иным как ушедшим в прошлое документом (относительно 1926 г.) и не соответствовала реальной политике партии. Однако во многом это касалось лишь непосредственных обещаний, но не общих идейных устремлений по реорганизации структуры самого общества.

Если экономическое положение в Германии стремительно ухудшается начиная с 1929 г., то к январю 1933 г. достигает апогея и идеологическая конфронтация между наиболее радикальными участниками политического процесса. Основную роль здесь, конечно же, играют НСДАП и КПП, а также её ударные подразделения СА и РотФронт соответственно. Также непосредственное участие в уличном противостоянии и терроре принимают и другие организации националистов, такие как Стальной Шлем от НННП и Рейхсбанер от Социал-демократов. 30 января 1933 г. был сформирован новый кабинет министров, канцлером которого был назначен Адольф Гитлера, помимо него члена НСДАП были еще два министра (Геринг, Фрик), остальные посты получили представители НННП и беспартийные.

Таковой состав правительства и предопределил цели не только нового правительства, но и НСДАП, которая не собиралась делить властные функции с представителями иных политических партий. Одной из первых задач нового коалиционного правительства стало устранение политической оппозиции, претендующей на участие в правительстве Рейха, а также «марксизма», как угрозы политической и государственной стабильности в целом. В первую очередь это, конечно же, касалось устранения КПП, так как, по мнению национал-социалистов, наиболее деструктивного элемента в общественно-политической жизни, затем СДПГ и центристских партий, таких как партия Центра, которая также претендовала на участие в правительстве. Следующей задачей должна была стать подготовка населения к проведению широкомасштабных реформ и собственно начало создания «народного сообщества».

Воплощение данного плана началось буквально сразу же: спустя несколько дней после формирования кабинета, рейхспрезидентом Гинденбургом было объявлено о роспуске Рейхстага (который начал свою работу с ноября 1932 г.), для проведения новых выборов, на которых граждане могли высказаться по поводу формирования нового «правительства национального сплочения».

Следующим шагом на пути к становлению диктатуры стал пожар здания Рейхстага, случившийся перед парламентскими выборами в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. Еще не зная всех деталей, Гитлер и Геринг решили, что началось коммунистическое восстание и необходимо срочно нанести упреждающий удар, благо у полиции уже имелось огромное количество данных на коммунистов и социал-демократов в Германии. Но также быстро Гитлер и его окружение поняли, какой замечательный шанс для легального выступления против КПГ и отличный предлог для её запрета.

28 февраля 1933 г. было подготовлено постановление «О защите народа и государства», основанное на 48 статье конституции Веймарской республики, наделявшей президента принимать чрезвычайные законы, данное постановление «временно» ограничивало основные права граждан, как-то свободу слова, печати, союзов и собраний, неприкосновенность собственности и жилища, тайны переписки и т.д, а также наделяло властными полномочиями правительство Рейха для наведения порядка в землях Германии, что, по сути, явилось первым шагом к ликвидации федеративной структуры Германии и открывало возможности легального террора в отношении своих политических оппонентов. Весьма интересен тот факт, что данные легально принятые постановления так и не были отменены (как собственно в дальнейшем и конституция Веймарской республики) и действовали на протяжении всего правления НСДАП, также стоит обратить внимание на то, что еще слабое национал-социалистическое правительство пыталось «играть» по демократическим правилам, придавая своим постановлениям легитимный вид. В конце 1933 года по различным оценкам, от 60 до 100 тысяч коммунистов сидели в тюрьмах и концлагерях, и после нескольких волн массовых арестов гестапо к середине 1930-х годов полностью лишило коммунистическое сопротивление почвы.

В результате всех проведенных манипуляций коалиция националистов на выборах в Рейхстаг набрала 51% голосов, т.е. фактически с этого момента она могла проводить в жизнь любые законопроекты (не считаясь с остальными партиями Рейхстага), притом, что сама НСДАП набрала 43,5% голосов, существенно увеличив свое влияние.

Заседание 23 марта 1933 г. открыл Гитлер, представив на обсуждение проект акта «О чрезвычайных полномочиях», который позволял бы ему выдвигать и принимать законопроекты без согласия Рейхстага, который был принят большинством голосов: в том числе за принятие данного проекта высказались и партия Центра, а также и немецкие либералы в лице ННП, не говоря уже об НННП. Против выступили лишь социал-демократы: на трибуну поднялся их руководитель Отто Вельс и произнес речь о

нерушимой воле и чести социал-демократов. Фактически это означало, что с парламентаризмом в Германии было покончено.

О запрете СДПГ было объявлено уже 22 июня 1933 г., после небольшого инцидента и нежелания Берлинских социал-демократов исключать из своих рядов «Пражское отделение». Вскоре самораспустилась и НННП, а её глава Альфред Гугенберг 26 июня 1933 г. был снят со всех постов, члены национал-консервативной партии быстро влились в НСДАП, а её боевая организация Стальной Шлем в СА. Та же участь постигла и немецких демократов, заявивших о самороспуске 27 июня. Спустя ещё сутки за ними последовали и либералы, а в течение двух недель были распущены, как Партия Центра, так и Баварская народная партия. Итогом этого процесса станет «Закон против образования партий» от 14 июля 1933 г.

Таким образом был запущен процесс полного контроля и унификации всех сфер жизни общества, что в терминологии национал-социализма будет обозначено как *Gleichschaltung* - концентрации власти в руках одной партии и подчинение ей всех органов управления, в том числе и на региональном уровне. Земельные законодательные органы – ландтаги были реформированы путем принятия так называемого «Временного закона об унификации земель» места в них распределялись аналогично местам в Рейхстаге по результатам выборов 5 марта 1933 г., что в свою очередь обеспечивало большинство мест в них нацистам даже в тех регионах, где поддержка НСДАП была традиционно низкой.

Тем самым была подведена черта под федеративными принципами Веймарской республики и выстроена унитарная модель государства с жесткой централизованной системой управления, при которой партия получала контроль на всех уровнях власти.

Окончательным шагом на пути полной концентрации в руках Гитлера и его партии стала смерть рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга 2 августа 1934 г. Принятие закона «О главе государства» от 1 августа 1934 г. подразумевало проведение референдума, в результате которого, в случае положительного исхода происходило совмещение постов президента и канцлера, при чем последний принимал на себя президентские полномочия, что и произошло 14 августа 1934 г. Это давало широкие политические полномочия Гитлеру и предоставляло *de jure* неограниченные действия для реализации собственной государственной системы. Но, пожалуй, самое важно в этой ситуации было то, что с этого момента Рейхсвер переходил в его подчинение, так как канцлеру были переданы президентские функции верховного главнокомандующего.

Таким образом, национал-социалистам потребовалось всего лишь полтора года для того, чтобы полностью демонтировать демократическую систему Веймарской республики

и монополизировать власть. При этом, важным обстоятельством то, что в процессе становления диктатуры, подразумевавшего, прежде всего, внедрение идеологических императивов на всех уровнях присутствия государственной власти и во всех сферах человеческого бытования через механизмы *Gleichschaltung*, не наблюдается и не происходит консолидированного неприятия этих практик. Речь идет не только о выраженных антисемитских выступлениях и практиках, которые становятся визуально и экзистенциально очевидными уже в первые месяцы нахождения Гитлера у власти, но и всех тех первоначально ограничениях, а потом и запретах, касавшихся фактически каждого гражданина Германии. Будь то рабочий или служащий, коммунист или католик, преподаватель гимназии или крестьянин, все в равной степени ощутили начавшиеся изменения и ограничения, но не смогли ничего им противопоставить, что, в значительной степени, свидетельствует об усталости от Веймарской демократии и готовности принять диктатуру вождя/лидера, реализующего идею «народного сообщества».

Историческое измерение «технологического утопизма» (анализ кейсов)

Приход к власти Адольфа Гитлера в январе 1933 г. и установление национал-социалистической диктатуры в Германии происходило в условиях переформатирования правового поля и было сопряжено с рядом событий, носившими скорее символический характер, суть которых сводилась к обеспечению легитимации режима и его идеологии в публичном пространстве. Особое внимание при этом уделялось сфере культуры, образования и науки. Взаимодействие общественных организаций и партийных и государственных структур формируют то проблемное поле, которое позволяет с одной стороны выявить уровни взаимодействия, с другой - очертить те символы прошлого, которые наделялись смыслом в настоящем посредством коллективно исполняемых практик. Существенная роль при этом отводится тем настроениям, которые охватили целый ряд общественных организаций, игравших значительную роль в социально-политическом, культурном и научно-образовательном пространстве Германии конца 1920-х – начала 1930-х гг. Примером, в котором можно проследить переплетение всех вышеизложенных линий, является сожжения книг в университетских городах Германии в мае 1933 г., проходившее в рамках «Акции против негерманского духа» (*Aktion wider den undeutschen Geist*). Анализ этого события посредством теоретических установок Дюркгейма и Хальбвакса о понятии исторической памяти позволяет рассмотреть данный эпизод как коммеморативный ритуал, суть которого сводится к тому, чтобы при помощи прошлого влиять на коллективные представления в настоящем, затрагивая не только идеологические установки, но и формируя в том числе и эмоциональное состояние членов сообщества. Тем самым вовлечение населения в подобного рода процессы способствовало установлению дополнительных оснований для легитимации режима посредством встраивания национал-социализма в нормативные рамки исторического пути Германии, как обособленного и борющегося за отстаивание и возрождение «германского духа», что в свою очередь приводило к определению ключевых символов и/или символическим фигур, имевших сакральный характер, вокруг которых выстраивалась групповая солидарность и историческая преемственность.

Одним из наиболее характерных и устойчивых топосов, наблюдаемых в историографии Веймарской республики и становления национал-социалистической диктатуры, является утверждение о том, что подавляющее большинство представителей академического сообщества Германии не приняло демократических изменений в стране, произошедших в результате Ноябрьской революции 1918 г., и скорее оставалось на позициях правой, консервативно-националистической идеологии. Это можно проследить в

работах Ф. Рингера и В. Моммзена. Действительно, подобного рода устремления были характерны для большинства представителей университетских кругов еще с первых дней Первой мировой войны. В частности, это найдет свое воплощение в «идеях августа 1914 года», которые являлись отражением «национального духа Германии» и противопоставлялись «идеям 1789 года», т.е. универсализму просвещения.

Поражение в Первой мировой войне и политическая ситуация, царившая в Веймарской республике, лишь обострила эти настроения и поляризовала общество, разделив его на тех, кто не принял республику и тех, кто согласился с ее существованием в Германии. В этом смысле своего рода паролем подобного рода переживаний станет известная фраза Ф. Майнеке сказанная им в январе 1919 г.: «Устремляя свой взор в прошлое, я остаюсь сердцем своим монархистом, и становлюсь, устремляя свой взор в будущее, разумом своим республиканцем». Разумеется, в годы существования республики появятся и те, кто примет демократические изменения в стране, но все же значительная часть профессорско-преподавательского состава, равно как и студенчества воспринимала их как чуждые германского духу и навязанные странами-победительницами. Но, если подобные настроения не были в центре внимания в период «золотых двадцатых», то по мере углубления экономического кризиса, начавшегося в 1929 г., агрессивно национальные и националистические императивы вновь оказались в центре публичного дискурса, как со стороны политических деятелей, так и со стороны общественных объединений. Все это способствовало тому, что значительная часть общества Германии стала склоняться к правым идеологическим воззрениям.

После прихода к власти национал-социалисты начинают вести политику подчинения всех сфер жизни государства собственной идеологии. Процесс установление контроля над всеми общественными и политическими институтами, получивший название Gleichschaltung, проходил не только на законодательном уровне, но и включал в себя ритуально-символические действия, ориентированные на укрепление одних мифологических конструкций и демифологизацию других. В частности, это нашло свое отражение в борьбе с антинемецкими проявлениями в искусстве и литературе и провозглашении возврата к исконным немецким идеалам, к германскому духу и ценностям.

Именно в этой логике необходимо рассматривать одно из ключевых событий первых месяцев нахождения нацистов у власти – «Акцию против негерманского духа» и совершенное в ее рамках сожжение книг перед Берлинским университетом 10 мая 1933 года. Это был жест, преследовавший как минимум две цели: на практическом уровне -

подчинение университетов и контроль за академическим и студенческим сообществом; на символическом уровне - «очищение» германской науки, искусства и литературы от «чуждых» ей элементов.

Особое значение в этой акции придавалось Берлинскому университету, который олицетворял собой не только ведущий научный и образовательный центр, но и столичную институцию, которой после унификации и отказа от федерализма отводилась особая роль. Именно он должен был служить образцом для всех высших учебных заведений Германии. В этом смысле сожжение книг имело не только публичное политическое выражение, но также было призвано отчетливо продемонстрировать подчинение национал-социалистической идеологии всех сфер бытования, в данном случае в образовании, науке и культуре.

Ритуально-символическое содержание акции имело отсылку к созданному классической немецкой историографией XIX столетия мифологическому образу Мартина Лютера как непримиримого борца и героического носителя немецкой религиозной глубины и противника усиления западного влияния. Мифологические представления о Лютере, бросившего в огонь в 1520 г. папскую буллу¹, в которой осуждались его действия и проповеди, произнесенные при этом проклятья в адрес святого престола «Раз ты исказил истину Божию, Господь теперь изничтожит тебя. В огонь!», вдохновили немецкое студенчество на воспроизведения этого жеста 18 октября 1817 г. во время проведения «Вартбургского праздника» (Wartburgfest), а затем и в 1933 г.

Таким образом, «акция против негерманского духа», с одной стороны, провозглашала преемственность немецкого исторического пути от М. Лютера к А. Гитлеру, с другой – сожжение книг должно было свидетельствовать не о варварстве, а, напротив, отсылать к истокам немецкой культурной самобытности и подчеркивать исключительность немецкой культуры и ее истоков. Иными словами, этот жест не был разрывом с немецкой культурной традицией, а был ее логичным продолжением, что в свою очередь приносило дополнительную легитимизацию режиму и, кроме того, актуализировала архаичные по своей сути практики прошлого.

¹ 10 декабря 1520 г. бросил в огонь буллу папы Льва X «Exsurge Domine», отлучавшую его от церкви. Следует отметить, что и в XVI столетии основными участниками были студенты и профессора Виттенбергского университета, тогда же в огонь были брошены сочинения по каноническому праву и другие теологические католические сочинения.

Исторические модели изучения социальных факторов технологических изменений

Проблематика объяснения социальных изменений, имеющих тотальный характер и включающих в себя политические и культурно-исторические аспекты, остается одной из наиболее востребованных в современных социальных и гуманитарных науках. Теоретические разработки, ведущиеся в рамках социологии, являются все более востребованными среди историков, направляя последних и задавая им теоретическую рамку. Тем самым конкретные исторические казусы получают концептуальное осмысление, создавая не столько картинку прошлого «каким оно было на самом деле», сколько насыщая теоретическое объяснение конкретным историческим материалом, с присущем ему каузальностью и детерминированностью. В то же время, существует и обратная реакция, суть которой можно свести к востребованности тех или иных исторических прецедентов (явлений) для иллюстрации теоретических построений. Иными словами, существует и определенная востребованность исторического знания (материала) в социальных науках.

В этом смысле представляется вполне обоснованным рассмотреть отдельные исторические события, связанные с крахом Веймарской республики и становлением национал-социалистической диктатуры в рамках системной теории, предложенной Н. Луманом. Одним из ее центральных положений было утверждение о том, что политические структуры суть структуры ожиданий. После выявленных и проанализированных Луманом социальных структур, можно, таким образом, также описать и взаимосвязь между ожиданиями и опытом, прослеживаемым в политических системах. Ожидания ограничивают то, что считается возможным, и тем самым определяют условия политики. В данном случае, содержательно будет уместно соотнести с утверждениями Р. Козеллека, который показывает эту взаимосвязь в своей работе «Пространство опыта и горизонт ожиданий», рассматривая различные исторические примеры.

В противоположность этому, крах Веймарской республики обычно объясняется с точки зрения ретроспективного взгляда, а именно как следствие исторического бремени, которое выпало на долю Германии. Социальные структуры, особенности национального характера в долгосрочной перспективе и незначительный опыт взаимодействия с кризисом в краткосрочной перспективе атрибутируются во многих объяснительных моделях объективистски, что подразумевает изначально заниженную оценку самой возможности удачной реализации проекта под условным названием «первая немецкая республика». Враждебность и ненависть к республиканской модели со стороны старых элит сочеталась

здесь с низким уровнем энтузиазма среди самих приверженцев республики, кроме того, в качестве объяснения также указываются нежелание республиканских партий договариваться и идти на компромисс между собой, печальный опыт гиперинфляции 1923 г. и мирового экономического кризиса, развернувшегося в Германии в 1929-1931 гг. Все эти факторы, как принято считать, являются причиной слабости Веймарской республики.

Негативные, объективистски выявленные переменные были характерны и для других стран, однако, это не привело к непременному и немедленному коллапсу системы, бытовавшей в них. Таким образом, оглядываясь назад, можно, вероятно, прояснить необходимые и важные, но, все же не в достаточной степени объясняющие, условия для успеха или провала той или иной политической системы. В данном случае для того, чтобы понять причины нестабильности Веймарской республики, необходимо выявить и проанализировать те надежды, которые на нее возлагали и тем самым выяснить какие из них не были оправданы, что и послужит причиной отторжения.

Это же относится и к пониманию стабильности в период национал-социалистической диктатуры. Национал-социалисты столкнулись с еще более высокими ожиданиями, поскольку они поставили перед собой задачу осуществить национальную революцию, ликвидировать систему Веймарской республики и установить новый порядок. Степень поддержки, которую национал-социализм смог мобилизовать, не может быть объяснена исключительно применением насилия, пропагандистских манипуляций, утверждением о присущей немцам враждебности и чуждости демократии или слабостью западных государств, проявивших нерешительность в этом вопросе. Напротив, здесь можно говорить о том, что реализация этих ожиданий, в значительной степени, даже превзошла исходный уровень. Таким образом, крах Веймарской республики и успех Гитлера необходимо рассматривать, исходя из единого внутривнутриполитического контекста.

Если следовать дискурсивному анализу, рассматривая фигуру фюрера и такое явление как Volksgemeinschaft (народное сообщество) в период Веймарской республики и первых годах национал-социализма, то исследование такого рода, вне всякого сомнения, будет стремиться подчеркнуть общее поле конфликтов, что в значительной степени дезавуирует и ослабляет позиции, характеризующие Веймарскую республику как раздробленное (фрагментированное) общество. Между тем, было бы ошибкой отрицать наличие этой фрагментированности. В то же время, исследование «тайного консенсуса» между различными лагерями также должно показать, что внутренние социальные разногласия представляют собой только лишь одну сторону реальности. Другая сторона была связана с предпосылками успеха национал-социалистической политики. Именно

осознание и выстраданность этого разрыва приводили к постоянным попыткам преодолеть эти разногласия. Таким образом получалось, что фрагментированность и стремление ее преодолеть существовали вместе. Подобного рода социально-политическая диспозиция во многом объясняет, почему в ходе публичных дискуссий того времени постоянно использовалась лексика, отсылающая к цельности и общности, что, в конечном итоге, должно было обозначать потенциальное единство.

Дискурс фюрера и народного сообщества способствовал тому, что «тайный консенсус» проявлялся особенно ярко в отношении политических ожиданий, так как здесь стремление к единству, а также стремление к однозначности проявлялись наиболее очевидно. Таким образом получается, что за рассматриваемыми высказываниями и объяснениями стоит не стремление к гармонии, а скорее идея концерта противоречивых мнений, своего рода коммуникативная социальная сеть, которая указывает на узловые точки общего внимания.

Культ личности, начавшийся сразу же после прихода к власти в 1933 г., безусловно, находился под полным контролем со стороны партийных идеологов и пропагандистов, и, в то же время, нельзя не отметить, что он имел слишком разные основания, чтобы быть полностью организованным. Посадка так называемых «гитлеровских дубов», переименование улиц и площадей в честь Гитлера, шествия до Бергофа в Берхтесгадене свидетельствуют, как насколько сильными были мессианские ожидания лидера/вождя в обществе и как Гитлер сумел спроецировать их в отношении своей персоны. Во многом это было следствием личной харизмы Адольфа Гитлера, который самостоятельно, используя свои риторические приемы, мог обратить оппонентов в собственную веру. Это совмещение различных условий и намерений, вызывавшее столь сильный резонанс, не создавало ограничений и позволяло применять различные тактики для достижения поставленных целей, что, в конечном итоге, способствовало политическому успеху.

В то же время, после утверждения власти в 1933 г., популярность Гитлера, хотя и оставалась по-прежнему на довольно высоком уровне, тем не менее постепенно начала дополняться различного рода разочарованиями, которые были связаны с экономическими реалиями, а также в целом с общественно-политическим климатом в стране. Прежде всего, это отразилось во введении новых бюрократических процедур (новые методы администрирования и контроля), а также прямое давление на население со стороны отрядов СА, выражавшееся в повседневном присутствии и надзоре штурмовиков. После утверждения диктатуры национал-социалисты были вынуждены начать борьбу с высокими ожиданиями и связанными с ними требованиями, кроме того, было необходимо

предпринять меры, направленные против участившегося недовольства и брюзжания в отношении нового режима. Работа в этом направлении не исчерпывалась только лишь символическими действиями, так как необходимо было предпринимать такого рода усилия и меры, которые бы способствовали дальнейшей мобилизации народа. Это относится и к ожиданиям элит, которые также испытывали давление со стороны отрядов СА. В частности, это нашло свое отражение и в сообщениях о Германии, подготовленных социал-демократическим подпольем в первые годы национал-социалистической диктатуры, в которых была зафиксирована довольно высокая степень неудовлетворенности населения. Нет ни каких сомнений в том, что вплоть до 1936 г., существовали две взаимоисключающие тенденции, одна из которых свидетельствовала о популярности Гитлера, продолжающейся оставаться на высоком уровне, другая была связана с ростом разочарования режимом. И если в кругах рабочего класса, где Гитлер в целом был менее популярен, это не было чем-то удивительным, то в отношении буржуазных кругов, в которых разочарование приобрело накопительный эффект, «потому что все данные обещания не были выполнены», это выглядело в значительной степени пугающе. То же самое можно сказать и о безработных. Более того, подобные настроения и мнения стали проецироваться и на фигуру Гитлера, который начал восприниматься не как лидер/вождь, стоящий главе движения, а как тот, кто стремится удержать, «законсервировать» положение. Иными словами, в вопросах репрезентации вождя динамика уступила место статике.

Тем самым можно отметить, разочарование, происходившие от чрезмерно завышенных ожиданий, преодолевалось посредством постоянно осуществляемых внутривнутриполитических и внешнеполитических экспромтов, где основной акцент делался на неожиданность, которая была неразрывно связана с идеей лидерства/вождизма. Таким образом, большая часть проблем, наблюдавшихся в повседневной политической жизни Веймарской Республики, решались за счет все более активной мобилизации и интеграции как можно большего числа людей в национал-социалистическую организационную структуру. Поскольку в самой НСДАП насчитывалось полмиллиона функционеров, эта деятельность больше не могла быть отнесена к опыту, так как, очевидно, «машина» теряла свой ужас, когда все были ее частью. Обязанность «противодействовать» лидеру/вождю означала не более, чем то, что каждый мог внести свой вклад в реализацию грядущего и тем самым способствовать созданию национального сообщества. Если угодно, произошедшая персонализация участия в политической жизни, которая отказалась теперь принципов анонимности, существовавших в виде бюллетеней для голосования, обеспечив

при этом вклад каждого в индивидуальные, понятные действия, например такие как доносительство, стала, таким образом, выражением интеграционных процессов в народное сообщество.

Социологические модели диахронного изучения технологических изменений

Представляется, что опыт тоталитарной национал-социалистической диктатуры, с ее мифологизацией и романтизацией идейных констант, призванных с одной стороны, восстановить «возвращение» к исконным устоям и «правильному» национальному мировоззрению и, в то же время, с другой – задавать вектор развития будущего с точки зрения прогрессистского развития, позволяет проследить механизмы сосуществования разнонаправленных векторов развития всей политической системы государства и общества. Последнее обстоятельство и задает настоящую исследовательскую динамику, так как сталкивает эти две магистральные линии: модернизм с его рациональностью и техническим прогрессом, подразумевающим в том числе выстраивание новых социальных практик, и мировоззренческий иррациональный императив героики национального прошлого в виде «золотого века» которое было утеряно и в которое необходимо возвратиться, а также национальных добродетелей (традиций и практик), которые необходимо реанимировать и вновь интегрировать в общество.

В начале 1930-х гг. ни традиционные консервативные союзники Гитлера, ни его противники, представляющие левую часть политического спектра Веймарской Германии, не воспринимали его идеи всерьез и относились с большой долей скепсиса относительно возможности их реализации в политических, экономических и социальных условиях республики. В то же время, нельзя не отметить, все они рассматривали фигуру Гитлера и в целом НСДАП в качестве своего рода орудия для ликвидации существующего государственного порядка и достижения собственных политических интересов. Первые считали, что могут использовать национал-социалистов для осуществления своих намерений, что подразумевало под собой демонтаж демократической парламентской системы Веймара республики, взятие под контроль рабочих организации, с их последующим устранением, осуществление программы перевооружения и реорганизации вооруженных сил, после чего подразумевалось избавление от самой НСДАП во главе с Гитлером, которые больше были не нужны. При этом левые силы, прежде всего, КПП обманывали себя, полагая, что, как говорилось тогда в популярном коммунистическом лозунге «после Гитлера придем мы».

Произошедшие вслед за этим события, прежде всего, ужасы войны, носившей тотальный характер, и нацистские практики промышленного уничтожения целых народов в рамках проповедуемой расовой политики, разрушило иллюзию того, что идеи не должны восприниматься всерьез. И в то же время, нежелание, сопротивление социальных наук пониманию власти идеологии было настолько сильным, что временами казалось, что их

знания и представления об возможных последствиях были приблизительно на том же уровне, что и наивность современников Гитлера начала 1930-х г.

Например, и функционалисты, и марксисты гораздо охотнее распространялись о политических, социальных и экономических истоках нацизма, оставляя в тени темы, связанные с историческими последствиями его реализации, прежде всего, это касалось проблематики войны и геноцида. Отчасти, это молчание можно отнести к довольно устойчивой объяснительной модели, суть которой восходит к пониманию реализации идей Гитлера через «революцию нигилизма», в рамках которой он действовал.

В настоящее время в социальных и гуманитарных науках все еще прослеживается тенденция, заложенная в 1960-е – 1970-е гг., когда модернизационными и/или антимодернизационными исследовательскими установками, как правило, игнорировались модернистские и технократические аспекты нацистской идеологии и связанные с ними практики. В то же время исследователи, стоявшие на марксистских позициях и выстраивавшие взаимозависимость между капитализмом, фашизмом и классовой борьбой, не могли объяснить те события в истории гитлеровского режима, которые не имели ничего общего с защитой капиталистических интересов. Тем самым задаются основания, которые требуют дополнительного изучения. В данном случае имеет смысл проследить переосмысление идеологических оснований немецких правых сил в этот период, которое во многом указывает скорее на некий симбиоз, а не на конфликт между техникой и иррационализмом. Эти «симбиотические отношения» составляли последовательное мировоззрение, которое Джеффри Хёрф обозначил как «реакционный модернизм». Такое переосмысление стремится объяснить единство нацистской идеологии и практики, а также призвано помочь объяснить «примат политики» в гитлеровском режиме и поднять более общие вопросы об идеологии и политической рациональности в развитых индустриальных обществах.

В 1960-е – 1970-е гг. ряд социологов утверждал, что новые левые в Европе и США, генетически связанные с критической теорией Франкфуртской школы, отстаивали антииндустриальные и антитехнологические взгляды, которые в своей идеократичности во многом напоминали различного рода иррациональные течения консервативной (консервативно-революционной) и фашистской направленности времен Веймарской республики и Третьего Рейха, сгруппированные вокруг идеи «культурной критики» (Kulturkritik). Так, например, здесь уместно вспомнить публикации с характерными для того времени заголовками «Немецкая социальная теория и сокрытое лицо технологий» (1974) Джона Норра или глава Клауса Офее «Техника и одномерность: версия тезиса о

технократии» (1968), увидевшая свет в сборнике под редакцией Юргена Хабермаса «Ответы Герберту Маркузе». Характерная проблемность этой позиции состоит в том, что здесь очень часто смешивается критика исторически сложившихся специфических форм технологий с критическим отношением к науке и технике в целом. В то же время, важным наблюдением, высказанным представителями вышеописанного направления, является то, что, в рамках рассматриваемого вопроса, идеологический дискурс немецких правых в 1920-е и 1930-е гг. рассматривался и был признан антагонистам технологическому прогрессу. Это утверждение стало общим местом в послевоенной историографии, охватившем не только историческую науку, но и во многом социологию, политическую философию и другие социо-гуманитарные дисциплины. Культурный и политический протест против современности, неприятие и отторжение этой современности, в сложившихся историко-культурных обстоятельствах, находился в центре дискуссий о происхождении национал-социалистической идеологии. В этом смысле своего рода идейная (возможно даже идеологическая) историко-философская детерминированность на какое-то время стала общим местом потомке работ на эту тему. Не стоит забывать и о том, что подавляющее большинство авторов исходило из марксистских и/или постмарксистских мировоззренческих (методологических) установок, хотя и здесь были своим споры и несогласия. Вероятно, одной из наиболее заметных и не менее скандальных работ, написанных с этих позиций, является сочинение Георга Лукача «Разрушение разума». Собственно говоря, уже непосредственно подзаголовок объяснял исходную позицию автора и его видения проблемы зарождения национал-социалистической идеологии – «Путь иррационализма от Шеллинга к Гитлеру». Свои рассуждения Лукач строит вокруг гегелевского понятия «универсального разума», сквозь призму которого он рассматривает развитие немецкой философии как реакционный и иррациональный ответ на феномен классовой борьбы. Эту линию он прослеживает от поздних работ Шеллинга через философские искания Шопенгауэра, Кьеркегора, Ницше и в целом философии жизни до политических практик (действий) фашизма. Подобное развитие мысли наблюдается им и в сравнительно молодой социологической науке, в которой либеральный рационализм Вебера был заменен метафизико-теологическими концепциями Карла Шмитта и Отмара Шпанна.

Теоретические установки и описательные модели подобного рода антимодернистских и иррационалистических стремлений немецкой философии можно проследить у Джорджа Мосса в его работе «Кризис германской идеологии интеллектуальные истоки Третьего рейха», в частности, в рассуждениях о «фёлькиш

идеологии», а также в анализе «политики культурного отчаяния» Фрица Штерна. И в первом, и во втором случаях подчеркивалось исходное идеологическое сопротивление немецкого консерватизма и фашизма «западной цивилизации», материализму, позитивизму, рынку, марксизму и либерализму. Кроме того, эта линия обнаруживается и в работе Фрица Рингера «Закат немецких мандаринов», а также в монографии Гельмута Плеснера «Запоздавшая нация».

Особый интерес представляет позиция Талкотта Парсонса. Его представление о модерности пересекается с тем направлением в философии истории, где социальная дифференциация и возрастающая сложность социальных систем являются синонимами прогресса. В работах Парсонса о национал-социализме ключевым тезисом выступает утверждение, что идеологические основания нацистов трактуются как бунт против процесса модернизации и рационализации общества. В данном случае, одним из наиболее существенных и важных для понимания особенностей национал-социалистического движения/идеологии является «мобилизация чрезвычайно глубоких романтических тенденций немецкого общества на службу жестоко агрессивному политическому движению, включающему фундаменталистское» восстание (непрятие), направленное против общей тенденции рационализации наблюдавшейся в западном мире.

В своей статье «Демократия и социальная структура в донацистской Германии», опубликованной в 1942 г., Парсонс пытается объяснить, почему Германия, чья социальная структура в период Веймарской республики во многом была похожа на структуру других индустриальных обществ, отклонилась от западной траектории. Иными словами, основной проблематикой в его рассуждениях является поиск ответа на вопрос, почему либеральная демократия не смогла укорениться в Германии.

Для Парсонса подъем нацизма, который он называет революционным движением – революционным, поскольку он нацелен на создание нового общества – радикально антилиберального и антидемократического, – должен объясняться как структурными особенностями немецкого общества до появления нацизма, так и более общими процессами социального развития, затронувшими западные общества в их новейшей истории. Речь идет о процессе модернизации, в результате которого общество подвергается быстрым социальным изменениям, включая, в частности, технический прогресс, индустриализацию, капиталистическую экономику, урбанизацию и миграционными процессами.

В подобного рода теориях базовым положением является то, что фашизм прервал изначальное эволюционное развитие современного общества, подразумевающего некий

прогрессистский путь от традиционности к современности, от мифа к рациональности, от религиозного сознания к разочарованию в религии в целом, от идеологической к технократической легитимации, и что этот разрыв был обусловлен целым рядом особенностей социально-экономической истории Германии, что, в конечном итоге, задало своеобразие траектории ее развития. Отличительная особенность немецкого националистического симбиоза, оформившегося в виде символического переплетения «крови и почвы» (Blut und Boden), была противопоставлена фактическому слиянию футуризма и фашизма в Италии, где увлечение Маринетти скоростью, красотой машин и войной, а также стремление обуздать волю, пульсирующую в современных технологиях, нашло отклик и отразилось на политических пристрастиях общества. Именно эти группы населения станут приверженцами фашистской партии и ее основным электоратом. Несколько иной случай представляет собой Германия. Немцы либо ненавидели технологию, либо, как выразился Чарльз Майер, примирились с ней через тейлоризм, технократию и здравый, рассчитанный и просчитанный утопизм продуктивного корпоративизма, находящегося за пределами классовых конфликтов.

Вне всякого сомнения, развитие Германии имело свои отличительные особенности. По сравнению с Англией и Францией индустриализация здесь была запоздалой, довольно быстрой и в значительной степени комплексной. Экономическим изменениям подвергались крупные секторы, как, впрочем, и вмешательство государства в этот процесс, отличавшимся глубиной и широтой своего проникновения. Наиболее примечательным в данном процессе, что также существенным образом отличало Германию от других, прежде всего, европейских стран было то, что капитализм пришел в сюда вне успешной буржуазной революции, а собственно буржуазия, как и политический либерализм и просвещение оставались на довольно низком уровне практической реализации. Лукач описал это хорошо известное сочетание государства, промышленности и аристократии как «пруссский путь» и увидел в нем смесь архаических и современных тенденций, которые стали судьбоносными для немецкой политики и интеллектуальной жизни.

Ральф Дарендорф в своей монографии, посвященной существованию и развитию демократических процессов в немецком обществе, определил взрывной потенциал исторически сложившегося социального развития Германии с одной стороны, как столкновения, а с другой как сочетания быстрой индустриализации и «наследственных структур» монархического государства Пруссии, что практически не оставило места для воплощения в общественно-политическом и историко-культурном пространстве либеральных принципов. Тем самым, возникший «пруссский путь» был формой

капиталистической индустриализации, которая способствовала особенно интенсивному культурному и идеологическому протесту, политизация которого, по мнению значительной части исследователей среди историков и социологов, предопределила ту самую главу в немецкой истории, связанную с национал-социализмом. Романтический язык описания как и его символический ряд, состоящий из таких категорий как душа (Seele), дух (Geist), народ (Volk), сообщество (Gemeinschaft), культура (Kultur), жизнь (Leben), душевность (Innerlichkeit), а также все сочетания этих слов, легко получаемые путем соединения корней, означали специфические немецкие добродетели, которые столкнулись с вызовами (опасностями, угрозами) современной цивилизации, представленными капитализмом, либерализмом, наукой (сциентизмом), бездушной рациональностью, интернациональной идеей коммунизма и эмансипированным еврейством.

Тем самым возникает вопрос о структурных и смысловых трансформациях, в рамках которых происходило примирение немецкого национализма, наследника того самого иррационалистического протеста, с проявлениями инструментального разума, такого как технологии модерна. Кроме того, отдельного внимания заслуживает рассмотрение проблемы «встраивания» антимодернистского бунта против современного индустриального мира с модернизационными процессами, запущенными после прихода к власти национал-социалистов.

Тем самым становится вполне очевидным, что марксистские, функционалистские и другие не столь идеологически окрашенные теории национал-социализма сталкиваются с трудностями при попытке объяснить идеологическую политику 1939-1945 гг. Марксисты склонны были рассматривать идеологию исключительно как средство обеспечения «гегемонии господствующих классов», что не позволяло им встроить в эту объяснительную модель отчетливо прослеживающуюся линию саморазрушения и иррациональности гитлеровского режима. Те же, кто подчеркивал антимодернистский характер нацистской идеологии, хотя и шли путем, проложенным в рамках иной теоретической и методологической схемы, приходили в итоге к аналогичному выводу. Ведь, по сути, эта идеология, которая в корне противоречила современному индустриальному обществу, находилась в конфликте не только с этими социально-экономическими условиями и установками, но, что даже более существенно, она находилась в выраженном противоречии непосредственно с нацистской практикой. Тем самым получалось, что, они понимали под национал-социалистической идеологией своего рода рационализаторскую сеть, обладающую беспринципным, циническим характером. Сеть, которая была призвана оправдать интерес к политике и власти, а также объяснить

изменения про помощи классовых интересов и классового господства. При этом, всякий раз, отстаивающие эту точку зрения, находились в затруднительном положение, так как не могли аргументированно объяснить атмосферу национального единства, «триумф фюрера, партии и народа», что, в конечном итоге, вело к тотальной идеологической индоктринации всего населения Германии в этот период. В то же время, нельзя не отметить, что в последние десятилетия и в Европе, и в США основания и социальная инженерия национал-социализма подверглись серьезному пересмотру, реанимировав в том числе некогда популярный и даже мейнстримовые объяснительные модели модернизационных изменений в период гитлеровской диктатуры.

Обсуждение синтеза техники и иррационализма идеологических установках правых, консервативно настроенных немецких сил стало предметом рассмотрения склонных к критическому осмыслению марксистской теории интеллектуалов в 1920-1930-х гг. Несколько эссе Вальтера Бенямина 1930-х гг., в которых он размышлял о фашизме, эстетизации войны и технологиях, оказали весомое влияние на последующие работы, написанные вокруг этих ключевых понятий. Бенямин был одним из первых социальных критиков, который понял, что этот культурный бунт правых, консервативно, а подчас и революционно-консервативных, сил, нашел альтернативу буржуазному обществу в своих грезах о технологической войне, а не в призывах вернуться к доиндустриальным временам с их пасторальностью, оставив исключительно сельское хозяйство и скотоводство. В 1940-х гг. эти идеи Бенямина стал развивать Макс Хоркхаймер в своей работе «Затмение разума». В частности, он предложил свою интерпретацию идеологических оснований национал-социализма, увидев в нем «бунт естества», некое восстание природы, развивающийся как антикапиталистический протест, решающий при этом свои собственные задачи. Здесь же следует упомянуть Эрнста Блоха, который в 1930-х гг. в своих эссе о фашизме активно использовал и развивал понятие *Ungleichzeitigkeit* (несовременность). Согласно ему успех национал-социализма должен был трактоваться как способность нацистов к созданию некоего синтетическому мировоззренческого полотна, состоявшего из мифологического прошлого и самых современных аспектов индустриальной эпохи и новейших технологий. Блох также внимательно следил попытками синтеза мистицизма и технической рациональности, что было довольно частым явлением среди консервативно ориентированных инженеров того времени. В какой-то момент это стало предметом его размышлений и анализа, что нашло отражение и в сочинениях не только в сочинениях тех тел. Не прошел мимо похожих наблюдений и Томас Манн, что нашло свое отражение как в его публицистических работах например

здесь стоит упомянуть его эссе «Германия и немцы» в котором он дает уничижительную критику развития Германии под руководством Бисмарка, употребляя словосочетание «высокотехнологичный романтизм», так и в художественной прозе, в частности, рассуждения на эту тему можно найти в романе «Доктор Фаустус».

В данном случае одной из наиболее востребованных моделей, созданных в этом направлении, является объяснение через понятие реакционный модернизм, предложенное и разработанное Д. Хёрфом, в его одноименной монографии. Основная идея, высказанная автором сводится к следующему тезису: традиция реакционного модернизма, иррационального культа технологий занимала одно из важнейших мест в консервативной, националистической идеологии, и это касалось как национал-социалистической партии, так и большинства остальных правых движений Веймарской республики и Третьего рейха. Важно отметить, что было бы излишним преувеличением считать, что реакционный модернизм объяснялся прагматической или тактической переориентацией в сторону современной войны и индустриализма, что, впрочем, не должно означать, что он не оставил за собой право трансформирования отдельных нужд и потребностей в достоинства и добродетели. В данном случае, интерес представляет скорее тот факт, что он позволил включить современные технологии в культурную систему современного немецкого национализма, что, по сути, никак не отразилось на призывах к войне, дальнейшей эстатизации политики и политического пространства, о чем еще будет сказано ниже, а также в пропагандистских призывах, связанных с чистотой расы, и тд. Тем самым это позволяет говорить о характерных признаках консервативно и националистически ориентированных сил, существовавших в академических и интеллектуальных кругах и представлявших как гуманитарное (литературное) сообщество, так и естественно-научное (техническое и инженерное) направление.

По мнению Хёрфа смещение немецкого национализма в сторону реакционного модернизма было характерно, прежде всего, для двух основных групп интеллектуального истеблишмента Веймарской республики: во-первых, это были литераторы и представители академических кругов гуманитарной области знаний (Geisteswissenschaft); во-вторых, профессора инженерных наук и естественнонаучных дисциплин в технических университетах (Technikwissenschaft / Naturwissenschaft), а также члены национальных инженерных союзов и объединений (Verein / Verband), обладавшие сильным политическим влиянием в том числе и в сферах общественных отношений. К первой группе, представлявшей собой своего рода идеологическое ядро национально-консервативных сил, направление, которое впоследствии в историографии было названо «консервативной

революцией», можно отнести такие фигуры Освальд Шпенглер, Артур Мёллер ван ден Брук, Эрнст Юнгер и Фридрих Георг Юнгер, Вильгельм Штапель, Ганс Церер, Карл Шмитт, Эрнст Никиш, Отамар Шпанн, Ханс Фрайер, Вернер Зомбарт и др.

Как отмечает Хёрф, нельзя полностью понять парадоксальную природу реакционного модернизма, если не принимать во внимание, что, несмотря на все различия между, существовавшие внутри «консервативной революции» и между консервативными революционерами, их объединяла идея неприятия рационализма и выстраивания радикальной оппозиции по отношению к нему. Для их отрицания было совершенно неважно принимал ли этот рационализм либеральную или марксистскую форму. В этом смысле будет вполне уместным утверждать, что иррационализм был основной темой консервативной революции. Так, например, Фридрих Георг Юнгер, приходившийся братом Эрнсту Юнгеру, высказал мнение, получившее впоследствии широкое распространение что рациональность синонимична слабости и отсутствию чувства общности у тех интеллектуалов, которые «предают кровь разумом и защищают» сообщество разума (Geistgemeinschaft) противопоставляя его более сильному и прочному сообществу крови (Blutgemeinschaft).

Представленный анализ реакционного модернизма свидетельствует о том, что принципиальная проблема исследования нацизма заключается не только в недооценке гитлеровского мировоззрения и его идей, но также относится и к тем, кто разделял эти идеи. Прежде всего, это относится к тем слоям общества, чья ориентация на функциональную рациональность скорее должна была бы признать гитлеризм в качестве катастрофы, если не практической, то уж точно моральной. Но этого не произошло. Сопротивление, которое Нойманн ожидал от представителей инженерного и технического сообществ, не было реализовано. Вполне вероятно, что многие признавали, что нацистская идеология действительно была «чушью», надежды на что, собственно, и возлагал Нойманн, но эти проявления сдерживались страхом, оппортунизмом или моральным разделением труда, которое закрывает все «нетехнические» вопросы. Реакционная модернистская идеология, спаянная воедино с национал-социалистическим мировоззрением, способствовала тому, что призывы Гитлера к торжеству воли затушевывали очевидные факты, касающиеся военного и промышленного потенциала антигитлеровской коалиции, который рос с каждым годом войны, что подробно было показано в работе А. Туза. Научившись говорить на языке культуры, воли и души, реакционные модернисты способствовали примату политики и идеологии над трезвым расчетом социальных и национальных интересов в развитом индустриальном обществе.

Представленное в данном разделе своего рода примирение техники и иррациональности, в рамках концепции «реакционного модернизма», показывает, что нацистская идеология ни в коем случае не может рассматриваться, как это все еще часто представляется, как однозначный отказ от модерности.